

Ориентализм в творчестве В.И. Даля

Бахтиер Р. Рахманов

*Российско-Таджикский (Славянский) университет,
Душанбе, Таджикистан, rbrregar@mail.ru*

Аннотация. Владимир Иванович Даль известен как лексикограф, военный врач, этнограф, фольклорист и писатель. В контексте русско-восточных литературных связей творчество В.И. Даля привлекает внимание исследователей ориентальными мотивами, которые известны узкому кругу исследователей и читателей. И поэтому цель статьи – дать представление об особенностях проявления ориентализма в творчестве В.И. Даля. В произведениях В.И. Даля представлены картины истории Востока, они знакомят русского читателя с фольклором и этнографией татар, башкир и казахов. Эти ориентальные произведения можно разделить условно на группы: произведения научного характера, восточные притчи, восточные повести, произведения об исторических личностях. К первой группе можно отнести произведения этнографического характера. Русский читатель обогатился сведениями научного характера, сведения о жизни и быте восточных народов – глазами русского пленного или со слов представителей Азии. К другой группе можно отнести восточные притчи. Анализ произведений В.И. Даля из цикла «Восточные притчи и сказки» позволил отнести к нравоучительным – притчи «Солейман и сова», «Солейман и ворона», «Калиф-художник, а к религиозным – притчи «Гальяс-учитель и ученик», «Сон падишаха», «Вор и утайщик», «Шейх Наджмуддин». Из широкого круга произведений В.И. Даля на ориентальные мотивы литературоведением изучены произведения, связанные с жанром восточной повести – «Бараны», «Сказка о царевне Милонеге...». Ориентальный материал связан с историческими лицами – «Жизнь Джингизхана» (1843), «Повествование об Аксак-Тимуре» (1838) – и имеет основой жизнь и деятельность исторического лица. Подобные произведения основаны на документальных трудах (современников описываемого) или на восточных народных сказаниях и легендах. Основой произведений являются исторические события, впережку «с баснословными преданиями», украшенные «небывальщиною».

Причина обращения Даля к ориентальной тематике банально проста: непозволительно не знать и стыдно пренебрегать словесностью азиатских народов Российской империи.

© Рахманов Б.Р., 2021

Ключевые слова: ориентализм, В.И. Даль, притча, восточная повесть, русско-восточные литературные связи

Для цитирования: Рахманов Б.Р. Ориентализм в творчестве В.И. Даля // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10, ч. 2. С. 199–211. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-199-211

Orientalism in the work of V.I. Dahl

Bakhtiyor R. Rakhmanov

*Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Tajikistan,
rbrregar@mail.ru*

Abstract. Vladimir Ivanovich Dahl is known as a lexicographer, military doctor, ethnographer, folklorist and writer. In the context of Russian-Oriental literary ties, the work of V.I. Dahl attracts the attention of researchers by oriental motives, which are known to a narrow circle of researchers and readers. And therefore, the purpose of the article is to give an idea of manifesting the orientalism specifics in V.I. Dahl works. Pictures of the Orient history are presented in V.I. Dahl works, acquainting Russian reader with Tatars, Bashkirs and Kazakhs folklore and ethnography. These oriental works can be loosely divided into following groups: scientific works, oriental parables, oriental stories, and works about historical figures. The first group includes works of an ethnographic nature. Russian reader was enriched with scientific information, information on the Oriental people's life through the eyes of a Russian prisoner or from the words of Asia people. Another group includes oriental parables. Analysis of V.I. Dahl works from the cycle "Oriental parables and fairy tales" allowed to refer the parables "Soleiman and the owl", "Soleiman and the crow", "Caliph painter" to the moralizing ones and the parables "Gallas – teacher and student", "Padishah's dream", "The Thief and the Concealer", "Sheikh Najmuddin" to the religious. From a wide range of V.I. Dahl works on oriental motives the literary criticism studied works related to the genre of oriental stories, for instance "Sheep", "The Tale of Princess Milonega...". Oriental material associated with historical figures – "The Life of Dzhingizkhan" (1843), "The Story of Aksak-Timur" (1838) is based on the life and activities of a historical person. Such works are based on documentary works (contemporaries of the described one) or on the oriental folk tales and legends. The basis of the works is historical events, interspersed with "fabulous legends" and decorated with "extravagance".

The reason for Dahl's appeal to oriental themes is banally simple: it is impermissible not to know and it is shameful to neglect the literature of the Asian peoples of the Russian Empire.

Keywords: orientalism, V.I. Dahl, parable, oriental story, Russian-oriental literary ties.

For citation: Rakhmanov, B.R. (2021), "Orientalism in the work of V.I. Dahl", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, part 2, pp. 199–211, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-10-199-211

Владимир Иванович Даль известен широкому кругу читателей как составитель «Толкового словаря живого великорусского словаря», которому посвятил более 50 лет жизни. В то же время он – военный врач, этнограф, фольклорист и писатель.

Напомним, В.И. Даль с 1833 по 1841 г. служил в Оренбурге чиновником особых поручений и по долгу службы общался с татарами, башкирами, казахами и другими восточными народами, участвовал в Хивинском походе. В контексте русско-восточных литературных связей творчество В.И. Даля привлекает внимание исследователей ориентальными мотивами, которые известны узкому кругу исследователей и читателей. И поэтому цель статьи – дать представление об особенностях проявления ориентализма в творчестве В.И. Даля.

Без особого труда можно заметить, что труд Даля-лексикографа отразил слова-заимствования из языков восточных народов. Можно привести пример: «Аксакол, белая борода. Так татарские народы вообще называют почетных стариков своих, даже тогда, когда у них и нет белой бороды. Между кочевыми племенами патриархальное уважение к Аксаколам доселе строго соблюдается, и в особенности каждый глава семейства пользуется уважением и повиновением целого поколения, раздробившегося, по многоженству, на множество семей и отраслей...»¹

В произведениях В.И. Даля представлены картины истории Востока, они знакомят русского читателя с фольклором и этнографией татар, башкир и казахов. Эти ориентальные произведения можно разделить условно на группы: произведения научного характера, восточные притчи, восточные повести, произведения об исторических личностях.

К первой группе можно отнести произведения этнографического характера. Русский читатель обогатился сведениями научного характера: «Нечто о кумысе» (1843), «Верблюд». Сведения

¹ *Даль В.И.* Энциклопедический лексикон (1839). С. 2. URL: <https://philolog.petsru.ru/vdahl/html/pdf/LEKSIKON.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

о жизни и быте восточных народов – глазами русского пленного («Рассказ вышедшего из хивинского плена» (1839), «Рассказ пленника Якова Зиновьева» (1839)); или со слов представителей Азии («Повествование потомков шахов Афганских об Афганистане» (1843), «Рассказ Абдурахмана Ишана, Афганца и Муллы Мирзы» (1843), «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» (1856)).

К другой группе можно отнести восточные притчи. «Восточные притчи и сказки» В.И. Даля были уже рассмотрены автором в статье «Жанровое своеобразие восточной притчи в творчестве В.И. Даля». Отмечено, что ориентальные мотивы интересовали писателя и отражены в произведениях описанием жизни и быта, нравов и обычаев, истории и религии восточных народов. «Жанр притчи позволил автору отобразить общечеловеческие проблемы. Так, нравоучительные притчи знакомят русского читателя с восточной мудростью. Религиозные притчи путем логических рассуждений воздействуют на людей и подталкивают к духовному совершенству» [Рахманов 2021, с. 240]. Анализ семи произведений В.И. Даля из цикла «Восточные притчи и сказки» позволил нам отнести к нравоучительным – притчи «Солейман и сова», «Солейман и ворона», «Калиф-художник», а к религиозным – притчи «Гальяс-учитель и ученик», «Сон падишаха», «Вор и утайщик», «Шейх Наджмуддин».

В жанре восточной повести написана «восточная сказка» «Бараны». Мудрый монарх – Халиф – «озабоченный общим благом, спокойствием и счастьем народа»², соответствует образу правителя просветительской восточной повести. Традиционно он инкогнито ходит меж народа и узнает сам о недостатках и ошибках правления. И был огорчен: судья (казы), пользуясь самовластием и самоуправством, обогащается и нарушает закон, чем бросает пятно на имя правителя. «Надобно его ограничить; надобно придать ему помощников, которые свяжут произвол его...»³. И к Кази посадили еще двух судей – слева и справа, а над этими тремя судьями надзирал пристав. Но оказалось, надежда правителя не сбылась: верный слуга Мелег сообщил о неудачной попытке восстановить справедливость. Раньше был один судья и, остерегаясь гнева халифа, берег свою голову от казни. Теперь же страх разделен на четверых, и беззакония продолжают. Тогда правитель решил изменить ситуацию, «одно лицо действует самопроизвольно, а где нужно согласие многих, там правда найдет более защиты»⁴. И судили теперь семь

² *Даль В.И.* Бараны (1845). С. 1. URL: <https://philolog.petsu.ru/vdahl/html/pdf/BARANY45.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 8.

судей, «многочисленный оплот противу зла и неправды». И опять халиф услышал стенания на корысть и жалобы на судей. И на его недоумения мудрый Хуршит с веселой усмешкой объяснил суть дела. Когда был один судья, несли одного барана, потом – двух. Теперь легче стало – «гуртом гоняем».

В.И. Даль обратился к жанру восточной повести, чтобы завуалированно высказаться о наболевшей и традиционно злободневной проблеме (коррупция в судопроизводстве). А под восточными одеяниями, как отмечает Т.Ж. Юсупов, «обнаруживаются различные по сути типологические ряды: повесть по преимуществу ориентальная, ориентальная притча, повесть просветительская, повесть философско-нравоучительная, повесть социально-политическая, любовно-авантюрная и т. д.» [Юсупов 1993, с. 70]. Научные исследования свидетельствуют, что к разновидностям восточной повести также можно отнести сказание и аполог, восточную сказку, кавказскую повесть и даже басню [Рахманов 2020, с. 268].

Содержание произведения свидетельствует, что Даль обратился к восточной просветительской повести. В своем исследовании о развитии жанра восточной повести В.Н. Кубачева пишет: «Допуская некоторую условность, “восточные” повести в русской литературе можно разделить на три группы: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские философско-сатирические и нравоучительные» [Кубачева 1962, с. 300]. Этот жанр восточной просветительской повести ассоциировался как идеологический жанр, отражающий злободневные философские противоречия, и как сатирический жанр. Кубачева указала ряд обстоятельств, благоприятствовавших успеху жанра: восточное прикрытие от цензуры, «метод изображения западного мира через восприятие наивного восточного жителя», модный жанр способствовал популяризации философских идей.

Н.С. Сербина в статье «Жанр восточной повести в литературном творчестве В.И. Даля» проанализировала восточную сказку «Бараны» и выделила некоторые особенности произведения. Нет отвлечений от линии повествования (деталей быта, этнографических экскурсов, автор сдерживает себя: порой имитирует цветистые восточные обороты, создает ориентальный колорит). И исследователь рассуждает: «Налицо основные признаки притчи: аллегоричность, афористичность, тяготение к умозаключению, ориентированность на многозначность слова (“легче”), отсутствие психологического рисунка, лаконизм» [Сербина 2007, с. 66]. И приходит к выводу, что жанр произведения – это ориентальная притча.

С чем мы не согласны. В исследовании Кубачевой говорится: «По всей вероятности, вначале “восточную” повесть чаще всего воспринимали у нас как нравственно-философскую притчу, отвлеченную и беспристрастную» [Кубачева 1962, с. 301]. Необходимо выделить отличия притчи. Во-первых: «В жанровом отношении притча ближе к басне, тяготеет она и к поучительному рассказу» [Махдиев 2000, с. 91], главная цель произведения – «преподать мораль». Во-вторых, сам Даль определил произведение «Бараны» как «восточная сказка».

Другое произведение В.И. Даля – «Сказка о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке...» – включает в себя восточную просветительскую повесть «О Халифе Багдадском, о семи славных мудрецах его и прокаженной». В произведении представлено традиционное для восточных повестей противостояние Истины и Власти.

Халиф, до наследования трона обладавший чутким ухом, зорким глазом, пронизательным умом и правотою сердца, после восцарения потерял свои достоинства. В чертогах правитель видел и слышал, но за пределами дворца становился глух и слеп. Надеялся халиф на семь мудрецов, которые должны были стать его глазами и ушами. Как оказалось, он ошибался. «Правоверные жаловались; угнетенные плакали; могучие злочинствовали – юный Халиф потешался, следовал советам мудрецов своих и верил, что народ его блаженствовал»⁵.

Халиф тщетно сзывал целителей и ждал выздоровления, даже был фирман (приказ) для подданных об изложении снов, в которых мог быть путь к исцелению. «Бедному Халифу, объезжая столицу, объезжая землю свою, оставалось делать только одно: он брал с собою мудрецов своих и располагал ими, как онемевшими чувствами своими и неупотребимыми членами: ты, будь у меня головой; ты, рукой; ты, ногой; ты, глазами; ты, ногами; ты, ухом и брюхом, и прочее»⁶. Халиф был доволен, а мудрецы продолжали бесчинствовать и писали хвалебные изречения.

Некому Факиру привиделся сон, толкование мудрецов не удовлетворило его. Сон пояснила ему прокаженная, которая побиралась подаванием. Все, что пояснила прокаженная, сбылось: факир увидел во сне спрятанное сокровище, благодаря которому ему удалось спасти свою жизнь. Спасенный отблагодарил и спросил,

⁵ *Даль В.И.* Сказка о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке, по прозванию Васильковский глазок, и трехстах тридцати трех затяжных волокитах и поклонниках ее (1838). С. 19. URL: <http://philolog.petrstu.ru/vdahl/html/pdf/MLNG38.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

⁶ Там же. С. 21.

почему всеведущая безобразна и отвратительна: «Взор твой несносен для глаз моих, а голос твой резок и нестерпим для слуха!»⁷. Всмотрелся Факир в прокаженную и пленился ею, и не смог более с ней расстаться. «Безобразие в глазах его исчезло совершенно; он полюбил ее страстно»⁸.

Халифу, который узнал о прокаженной, Факир рассказал: это безобразное существо, которое правителю не полюбится. «Ни кем в мире подруга моя не бывает любима, кроме бедными, и низкого сословия людьми: каждая степень, коею человек приближается ко двору твоему, повелитель, уносит и удаляет его от подруги моей; здесь же, в серале, нет ничего с нею общего, и она здесь терпима быть не может»⁹. Она видит все, и ее искусство – говорить, что видит, за это ее не терпят люди и прозвали прокаженной.

Услышав о желании Халифа встретиться с прокаженной, все придворные разволновались – никому не хотелось познакомиться ей на глаза. Во время беседы наедине с прокаженной Халиф узнал историю гостьи – истины. Три сестры – истина, совесть и правосудие – подкидыши, не знающие своих родных. Совесть потеряла рассудок и сидит в доме для умалишенных: «Совесть сошла с ума на безмене; ее взвешивали, дробили на литры и драхмы, доколь она не рехнулась...»¹⁰. Правосудие не может ходить – пятки и подошвы избиты, и лежит в богадельне и питается подаяннем. Истину загоняли и наругались, ей приходится прятаться, стать посмешищем.

Она указала причину болезни Халифа: им оказались семь его мудрецов, которые злодейскими замыслами сделали правителя калекой, а подданных – мучениками. И захотел Халиф оставить спасительницу при себе, но она исчезла. И передали Халифу слова истины: «...что юродивая и прокаженная дева, которую узнал он в первые под именем истины, никогда при дворе Халифском жить не может; что самый мудрый и благомыслящий властелин должен считать себя счастливейшим, если она хотя мельком заглянет в сераль его»¹¹.

Мотив правосудия и истины относится к традиционным темам ориентальной литературы. Русские писатели видели возможность высказаться об актуальности этой проблемы. В.И. Даль, используя жанр восточной просветительской повести, высказывает ряд своих мыслей. Не в почете правосудие и совесть у сильных мира сего,

⁷ Там же. С. 25.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 27.

¹¹ Там же. С. 29–30.

и им необходима истина, чтобы вернуть им способность слышать, видеть и думать. Истина близка простым и бедным людям. Власть и истина далеки друг от друга. Видеть правду или услышать ее не всем по нраву. И полюбит ее человек, подобный Факиру, отрекшийся от гордыни и тщеславия, живущий с помыслами о Боге.

«Сказку о прекрасной Царевне Милонеге-Белоручке...» проанализировала М.В. Русакова в монографии «Восточные мотивы в малых жанрах русской прозы конца XIX – начала XX века» и сопоставила с главой «Спасская полость» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева и «Сказкой о Сказке» Вл. Дорошевича. В монографии отмечаются особенности произведений. Героиня произведения А.Н. Радищева, Прямовзора, странница, пришла к правителю открыть глаза. И встреча правителя и Истины связана с дидактической направленностью произведения. Дорошевич знаком с «Путешествием...», и оно было основой его сказки. «Он изобразил намерение Истины проникнуть во дворец халифа не в драматических тонах, а иронично» [Русакова 2020, с. 39]. В.И. Даля характерна проповедь идей Просвещения: писатель за годы службы на окраине Российской империи видел много несправедливости и ошибок управления. И хотел повлиять своим творчеством на ситуацию, указав сатирически на отношение власти к правосудию и истине.

И правильно сделан вывод о сказках Даля и Дорошевича в исследовании Русаковой. «Таким образом, мотивы из сказки В. Даля схожи со сказкой В. Дорошевича, но, в отличие от приема обличения русских просветителей, последний использует юмор и сатиру и показывает истинное лицо правящих кругов» [Русакова 2020, с. 40–41].

Ориентальный материал связан с историческими лицами – «Жизнь Джингизхана» (1843), «Повествование об Аксак-Тимуре» (1838) – и имеет основой жизнь и деятельность исторического лица. И основаны подобные произведения на документальных трудах (современников описываемого) или на восточных народных сказаниях и легендах. В Примечаниях к произведениям сам автор (как переводчик текста) написал: «Книга, из которой я взял сказку эту, названа на Русской половине заглавия: Жизнь Джингиз-Хана и Аксак-Тимура, с присовокуплением разных отрывков и пр. Она напечатана, на Татарском языке, Лектором этого языка Хальфином, в Казани, в 1822 г.; а им заимствована из какой-то старинной рукописи, отысканной в Татарской деревеньке»¹².

¹² *Даля В.И.* Жизнь Джингизхана (1834). С. 44. URL: <https://philolog.petsru.ru/vdahl/html/pdf/JINGIZ.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

Основой сказки, пишет Даль, являются исторические события, попеременно «с баснословными преданиями», которые украшены «небывальщиною» и изменены «странностями уносчивого Восточного воображения». Причина обращения Даля к переводу этих произведений банально проста: непозволительно не знать и стыдно пренебрегать словесностью азиатских народов Российской империи. Так, воодушевленный идеей ознакомить русского читателя с образом Тимура, В.И. Даль показал видение восточного правителя татарским рассказчиком.

«Повествование об Асак-Тимуре» начинается с предсказания о рождении. Джедай-хан, сын Джингизхана, царствовавший в городе Индостане, видел пророческий сон об угрозе смерти. Гадатели пояснили: у Трагая из селения Алмалык жена беременна: «от содержимого в утробе ее дитяти постигнет тебя смерть и конец твой». И решил хан изменить назначение Высочайшего и Присносущего: приказал умертвить ребенка, оставляя в живых мать. Беременную женщину повалили и топтали. Джедай-хан решил, что избавился от беды.

Обратимся к труду Г.Н. Потанина «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», который тщательно собирал фольклорные и исторические легенды, предания и сказания, связанные с прошлым восточных народов. Среди тюркских и кавказских народов распространено много сказаний о хромом Тимуре, некоторые из них связаны с завоевателем Тамерланом или Аксак-Тимуром. «Татарский рассказ, записанный г. Радловым (Proben, IV, 307) под Аксак-Тимуром подразумевает знаменитого туркестанца; Цодей-хан¹³ повелел избить всех младенцев, находящихся в утробе матерей; визирь пожалел одну беременную женщину и ограничился тем, что нажал только на ее живот; родился хромой мальчик Аксак-Тимур»¹⁴.

Женщина родила хромого сына, и в племени, носившем название «барлас», сказали: «поелику ребенок этот не погиб, не смотря на все истязания, а перенес все, и родился, то душа его верно железная; по какому поводу и назвали сына этого Аксак-Тимур (хромой-железный)»¹⁵. Ребенок рано остался сиротой и с юности нанялся к казахам Язгуз Тамоки в пастухи.

¹³ Потанин считает, что татарская легенда основывается на монгольском сказании.

¹⁴ Потанин Г.Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899. С. 398.

¹⁵ Даль В.И. Повествование об Аксак-Тимуре (1838). С. 3. URL: <https://philolog.petsru.ru/vdahl/html/pdf/TIMUR38.pdf> (дата обращения 10.09.2021).

Следующее предопределение судьбы юноша увидел в случае с муравьем. Хромой и кривой муравей на глазах Тимура несколько раз пытался преодолеть препятствие и упорством добился своего. И, беря пример с муравья, юноша решил: «Итак, если бы я, чрез постоянное терпение, соделался ханом, забирал бы города и народы, положил бы основание владениям, то не было бы в этом ничего удивительного и непонятного, если только всемогущий Бог допустит это»¹⁶. И эта мысль заняла его надолго. Несколько раз он удостоверился в своем предназначении. Во время игры со сверстниками-пастухами он своим умением и рассудительностью доказал свое право на главенство (хан). В другом случае он принимает решение как хан.

И тогда он собрал единомышленников под свое управление и стал грабить богатых и караваны. Со временем вокруг него было две-три сотни единомышленников и не было проходу караванам. Тогда Джедай-хан решил безуспешно навести порядок. «Благородный эмир» Аксак-Тимур казнил хана и захватил город Индостан. В этом, говорится в повествовании, ему сопутствовал всемогущий Бог – он был орудием Божиим. «Все дурное и все хорошее бывает только властью и определением Божеским...»¹⁷.

Завоевание мира Тимур-Аксак начинает с похода на город Египетский: штурм и захват города сгубил много народа. Город Царьград (Истамбул) был захвачен хитростью. Печальная участь разорения ожидала города Шамаху, Хаджи-Тархан (Астрахань), Болгары. В городе Буляр Самет-хан узнал, что войску Аксак-Тимура незримо покровительствует пророк Ильяс, и поэтому сдался.

Как бы рассказчик ни старался восхвалить деяния «благочестивого эмира», в строках повествования читатель встречает «вырезал народ», «испужать народ», город «был взят и разорен». Рассуждения эмира, а вслед ему и повествователя, сводятся к мысли: все страдания народов были обусловлены грехами и неправдой. О чем и говорят народные представители: «О, народы! Нам должно признать бедствие это карою за грехи и беззаконие наше; если бы не так, что мог нам сделать этот Аксак-Тимур? Но видно было таков завет Всевышнего, Всемогущего Бога!»¹⁸.

Поход на Москву был остановлен у стен Владимира, пророк Ильяс предостерег от сражения с русским войском, и правитель продолжил свои завоевания в сторону Бохары.

Во время продвижения на Бохару была распространена вера на земле Кыя. От ханов и народа требовалось отказаться от монголь-

¹⁶ *Даль В.И.* Повествование об Аксак-Тимуре (1838). С. 5.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 22.

ских традиций и нравов, сделаться правдивыми мусульманами: признать истинного Бога, обязаны пятикратно молиться, поститься, «учинять омовение, очищать имущество свое податью, закатом», по мере возможности совершить паломничество.

Благочестивый эмир далее направился распространять свои владения в города Бохара, Ташкент и Яркенд, Самарканд. В Самарканде настигло его предопределение, и там он погребен.

Считаем, что распространенность легенд и сказаний о Тимуре закономерна – он изменил ход жизни народов Средней Азии, Кавказа, Ирана, Ирака, Турции, Индии. Не случайно его называют архитектором степи. Вольно или невольно он способствовал окончательному избавлению Руси от монголо-татар, спас Европу от Баязета.

Переводчик, говоря о «Повествовании о Тимур-Аксаке», употребил фразу «баснословные предания», поскольку произведение, имеющее в основе историю жизни Тимура, предстало в совершенно ином виде. Герой мифологизирован: от рождения до последних мгновений жизни он предстает в повествовании защитником и распространителем ислама. Следует вспомнить традиции восточной литературы, когда писатели-панегирики оставляли потомкам строки о справедливых деяниях правителя, его заботу о народе и вкладе в распространение ислама.

Это ориентальное произведение В.И. Даля – «Повествование об Аксак-Тимуре» – преследовало цель познакомить русского читателя с образом Тимура с точки зрения представителя восточного мира.

Напомним о видении В.И. Далем Русской земли. «Русскую землю составляют разные народы, отличные по происхождению и языку» (перечисляет: армяне, грузины, латыши, татары, башкиры, киргиз-кайсаки, калмыки, буряты, самоеды, вотяки, черемисы, чувашаи, народы Сибири и Кавказа и много других), – все они должны стоять «друг за друга, за землю, за родину свою как односемьяне» [Порудоминский 1985, с. 22]. С этим связан его интерес к изучению языка и культуры татар, башкир, казахов и ознакомление русского читателя с духовными достижениями восточных народов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Учебно-методическое обеспечение деятельности Славянских университетов» (государственное задание, паспорт № 2881-21).

Acknowledgements

The work has been carried out within the framework of the project “Educational and methodological support for the activities of Slavic universities” (state task, passport No. 2881-21).

Литература

- Кубачева 1962 – *Кубачева В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век: Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 295–315.
- Махдиев 2000 – *Махдиев С.* Из истории прозы таджикско-персидской литературы. Пенджикент: Иршод, 2000. 402 с.
- Порудоминский 1985 – *Порудоминский В.* Жизнь и слово: Даль. Повествование / Послесл. В.П. Аникина. М.: Молодая гвардия, 1985. 222 с.
- Рахманов 2000 – *Рахманов Б.Р.* Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей. Душанбе, 2020. 313 с.
- Рахманов 2021 – *Рахманов Б.Р.* Жанровое своеобразие восточной притчи в творчестве В.И. Даля // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». 2021. № 3. С. 234–244.
- Русакова 2020 – *Русакова М.В.* Восточные мотивы в малых жанрах русской прозы конца XIX – начала XX века. Душанбе: РТСУ, 2020. 163 с.
- Сербина 2007 – *Сербина Н.С.* Жанр восточной повести в литературном творчестве В.И. Даля // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 65–68.
- Юсупов 1993 – *Юсупов Т.Ж.* Развитие русской прозы XVIII века: (Проблематика, поэтика, восточные мотивы). М.: Изд-во МПГУ, 1993. 86 с.

References

- Kubacheva, V.N. (1962), “ ‘Eastern’ story in Russian literature of the 18th and early 19th centuries”, in *XVIII vek, sbornik 5* [18th century, collection of 5], Moscow, Leningrad, Russia, pp. 295–315.
- Makhdiev, S. (2000), *Iz istorii prozy tadzhiksko-persidskoi literatury* [From the history of prose of Tajik-Persian literature]. Irshod, Penjikent, Tajikistan.
- Porudominskii, V. (1985), *Zhizn' i slovo: Dal'. Povestvovanie* [Life and Word: Dal. Narration], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia.
- Rakhmanov, B.R. (2020), *Persidsko-tadzhikskaya literatura v kontekste rusko-vostochnykh literaturnykh svyazei* [Persian-Tajik literature in the context of Russian-Oriental literary ties], Dushanbe, Tajikistan.
- Rakhmanov, B.R. (2021), “The genre originality of the oriental parable in the works of V.I. Dahl”, *Bulletin of the Tajik National University. Series Philology*, no. 3, pp. 234–244.

- Rusakova, M.V. (2020), *Vostochnye motivy v malykh zhanrakh russkoi prozy kontsa XIX – nachala XX veka* [Oriental motives in small genres of Russian prose of the late 19th – early 20th centuries], RTSU, Dushanbe, Tajikistan.
- Serbina, N.S. (2007), “The genre of the oriental story in the literary work of V.I. Dahl”, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 12, no. 4, pp. 65–68.
- Yusupov, T.Zh. (1993), *Razvitie russkoi prozy XVIII veka (Problematika, poetika, vostochnye motivy)* [Development of Russian prose of the 18th century (Problematics, poetics, oriental motives)], Publishing house of Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Бахтиер Р. Рахманов, доктор филологических наук, профессор, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан; 734025 Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, д. 30, rbrregar@mail.ru

Information about the author

Bakhtiyor R. Rakhmanov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian-Tajik (Slavonic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan; bld. 30, M. Tursunzade St., Republic of Tajikistan, Dushanbe, 734025; rbrregar@mail.ru